

УДК 82.0

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-138-143

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СТОРОНЫ ЖАНРА ПУТЕВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

© Немат Сабилов

TIME AND SPACE AS SPECIFIC ASPECTS OF THE TRAVELOGUE GENRE

Nemat Sabirov

The article discusses issues related to the concept of time and space as one of the specific aspects of the travelogue genre.

Currently, it is possible to clearly distinguish between scientific, journalistic and literary works about travel, although the synthetic, interactive nature of travelogues is quite obvious. The peculiarity of the genre of travel notes is in its figurative and artistic assumptions. Literary travels were often fictional, which led to the possibility of using artistic fantasy in the travelogue genre. The archetypal meaning of the travelogue genre manifests itself as a connection between the poles of binary oppositions. One of the topics is the purpose of man in the culture of his ethnic group. Accordingly, in the genre of a literary travel, a person acts as a bearer of the values and norms of his people, as a representative of his culture, communicating with an unknown space, a space that has yet to be mastered. The concept of time is closely related to the concept of space.

The article consists of three parts, three substantive blocks. In the first block, the concept of a “travel product” is revealed, giving its typological characteristics of time and space. The second block is “a subject”, it describes how ideas about space – a potentially cognizable category – are reflected in travel notes. The third block includes the results of the study of works in the travelogue genre. In it, the article examines travel recordings about the Central Asian khanates.

Keywords: travelogue, Russian literature, chronotope, fiction, value concepts

В статье рассматриваются вопросы, связанные с понятиями времени и пространства как специфическими сторонами жанра путевых произведений.

В настоящее время можно провести достаточно четкую грань между научными, журналистскими и литературными произведениями о путешествиях, хотя синтетическая, интегративная природа travelogov вполне очевидна. Особенность жанра путевых заметок состоит в некоторых образно-художественных допущениях. Литературные путешествия нередко были частично вымышленными; это обусловило возможность использования художественной фантазии в жанре путешествия. Архетипический смысл жанра путешествия заключается в выстраивании связи между полюсами бинарных оппозиций. Одна из тем – предназначение человека в культуре его этноса. Отсюда – в жанре литературного путешествия человек выступает как носитель ценностей и норм своего народа, как представитель своей культуры, осуществляющий коммуникацию с неведомым пространством, которое еще предстоит освоить. С понятием пространства связано понятие времени.

Статья состоит из трех содержательных блоков. В первом блоке раскрывается понятие «путевого произведения», дается типологическая характеристика времени и пространства в нем. Второй блок – «предметный», в нем говорится о том, как в путевых записках отражаются представления о пространстве – потенциально познаваемой категории. Третий блок включает результаты изучения произведений в жанре путешествия. В нем автор статьи рассматривает путевые записки о среднеазиатских ханствах.

Ключевые слова: travelog, русская литература, хронотоп, художественный вымысел, ценностные представления

Для цитирования: Сабилов Н.К. Время и пространство как специфические стороны жанра путевых произведений // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 138–143. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-138-143

Термин «путевые произведения» нужно трактовать в том отношении, что тексты, которые составляют его основу, отличаются жанровым многообразием и стилиевой пестротой. Как отмечала Ваша Сайнбаяр, это могут быть художественные, научные, публицистические произведения, созданные в форме очерка, эссе, легенды, рассказа, реализованные в эпистолярном, мемуарном, биографическом или дневниковом дискурсе [1]. Такое разнообразие форм в современной гуманитаристике обозначается хорошо известным и активно употребляемым термином «травелог».

В настоящее время можно провести четкую грань между научными, журналистскими и литературными произведениями о путешествиях, хотя синтетическая, интегративная природа травелогов упоминается практически во всех исследованиях. Особенность жанра путевых заметок состоит в некоторых художественных допущениях. Литературные путешествия, как известно, были частично вымышленными, выдуманными, что обусловило возможность использования художественной фантазии в жанре путешествий¹. Так, присутствие непроверенных сведений отмечается в ранних путевых записках о Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах. Объясняется это тем фактом, что значительную часть сведений авторы путевых записок сообщали с чужих слов. Однако реальную степень художественного вымысла в путевых записках определить не представляется возможным. По нашему мнению, это связано с изначальной мифологической природой жанра.

Архетипический смысл жанра путешествия состоит в выстраивании связи между полюсами бинарных оппозиций. Это дает основание полагать, что мотив путешествия предстает как дискурсив, в котором реализуются значимые универсальные темы. Одна из тем – предназначение человека в культуре его этноса. В жанре литературного путешествия человек выступает как носитель ценностей и норм народа, к которому он принадлежит по факту рождения и воспитания, как представитель собственной, оригинальной культуры, осуществляющий коммуникацию с неведомым, непознанным, а значит, до опреде-

ленной степени внушающим страх и ужас, пугающим пространством («чужим миром», «хаосом», «злом», «смертью»). Именно такая культурная наполненность сюжета путешествия определяет значимость образа главного героя – путешественника. В мифологии и фольклоре герой отделен от автора, но в литературных произведениях образ автора и героя зачастую совпадают, и важными становятся личные особенности путешественника, которые реализуются в фигуре рассказчика.

Унаследованный от фольклора и мифологии, мотив дороги стал наиболее значимым в европейской литературе. В русской же этот мотив рассматривается как один из наиболее экзистенциальных [2], [3].

Процесс становления и развития жанра путешествия на основе фольклора и мифологии происходило на двух уровнях – формальном и содержательном. Нередко их определяют как внешний и внутренний планы [4]. На внешнем автор и герой составляют одно целое. Герой, вышедший в далекий путь, выступает как наблюдатель чужого мира; о нем, его реалиях он потом и рассказывает читателям, создавая особую нарративную атмосферу. Отсюда – совершенно не ошибемся, если скажем, что первой и главной характеристикой литературного путешествия становится изначальная субъектность и, следовательно, субъективность в восприятии чужого мира (он дается не сам по себе, в объективном измерении, а будучи пропущенным через индивидуальное сознание реципиента). Наблюдатель – не простой человек, а полноправный носитель своей культуры, который по определению такого рода не может быть беспристрастным: его сознание, выражаясь фигурально, окрашено цветами той культурной традиции, в границах которой он формировался как субъект речи. Текст наблюдателя предлагается для рецепции читателям одного с ним ценностного круга, одних аксиологических координат. Описанная в деталях чужая культура входит тем самым в область значений той среды, которая является родной для читателей; она подвергается оценке в параметрах мышления, уже имеющего в своем запасе набор содержательных конструкций. Естественно, что восприятие читателей смещается в сторону впечатлений повествователя. Его чувства в изображениях другой реальности играют не меньшую роль, чем сами детали чужого мира или причины, заставившие рассказчика предпринять далекое путешествие.

Удобной формой отражения внутреннего мира путешествующего субъекта становится вольное повествование, которое «не цепляется» зара-

¹ В настоящее время благодаря развитию технических средств возможность создания материала без самого путешествия стала не только легкой, но и широко распространенной. Для развлечения аудитории или привлечения внимания, популяризации конкретного медиаресурса создаются вымышленные рассказы о путешествиях с использованием чужих фотографий и видеоматериалов, информации из путеводителей и общедоступных источников.

нее к какому-либо объекту чужой реальности, а как бы постепенно и без всякого подготовленного плана открывает его для себя. Выделяют следующие элементы путешествия: 1) маршрут поездки («маршрутный лист»), 2) способы перемещения в пространстве, 3) природный ландшафт (пейзаж в его разнообразии), 4) культурные достопримечательности крупных городов и мелких селений, их архитектурная стилистика, 5) внутреннее убранство посещенных домов, 6) этнографические зарисовки (рассказы о людях, диалоги с представителями другой традиции), 7) национальная кухня (гастрономические предпочтения, кулинарные рецепты) [Там же]. Разумеется, замысел автора, его творческое видение определяет, в какой конкретной, непосредственной связи будут находиться данные элементы. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что существуют общие правила использования компонентов путешествия: автор на основании исключительно внешних впечатлений сначала утверждает в чувствах об увиденном и услышанном, затем дает им рациональную оценку и лишь после этого приходит к выводу, имеющему некое значение в рамках той культурной системы, к которой он себя относит.

Названные признаки литературного путешествия указывают на его пересеченность с жанрами художественно оформленной публицистики.

Литературные путешествия, далее, несут в себе знания о хронотопе, времени-пространстве в их цельном единстве. Нет при этом необходимости доказывать, что оба эти понятия в культуре являются фундаментальными и потому сохраняющими актуальность в наши дни.

Понятие пространства конкретизировались в эпоху великих географических открытий. В литературе (в частности, европейской) возник целый жанр романа-путешествия по землям реальным и вымышленным, а также многочисленные «робинзонады». Однако от осознания физических отношений пространства и времени научная мысль продвинулась в сторону психологизма, исследуя формы и способы субъективизации человеком времени и пространства.

Социальное и природное пространства не равны друг другу. Со стороны человека природное пространство подвергается семиотизации – процессу означивания. Так, например, для жителей Древнего Египта Нил и все, что располагалось по его берегам (пирамиды), функционально определялись в качестве сакрального центра Вселенной (остальное, за пределами реки – профанное пространство). Для средневекового мышления пространство – это система локусов различной качественности. В средневековой кар-

тине мира существовала дихотомия Неба и Земли: Земля была местом греха (следствие грехопадения Адама и Евы), Небо – чистым миром, причем, надо заметить, на Земле в разрозненном виде имелись особые, священные места – фрагменты небесной сферы высшей чистоты [5, с. 102].

Пространство, которое семиотизировал человек в процессе активной деятельности, по действующим в них законам физики в принципе ничем не отличается от неосвоенного, однако с социальной точки зрения оно носит «искривленный» характер, ибо сущность его определяется множественными исторически детерминированными векторами антропологического содержания (отношение к природе, людям и т. д.).

Представления человека о пространстве не были неизменными, статичными, они подвергались коррекции по мере того, как он познавал мир, углублял знания о нем (пространство – категория эпистемологическая). Закономерно, что произведения в жанре путешествия достаточно четко, однозначно об этом свидетельствовали. Так, в русских путевых записках XVIII века о среднеазиатских ханствах отражались взгляды русского общества той эпохи на пространство, открывавшееся через социальные связи (рассказы купцов, легенды, передававшиеся из уст в уста). Логично, что укрепление общественных отношений становится действенным средством познания мира в его пространственных параметрах.

Анализ процесса формирования жанра путевых заметок показывает, что становление жанровых и стилевых форм протекало в нем на уровне различных дискурсов: политическом, экономическом, научном, художественном. Путевые заметки и записки включают всю мыслимую информацию о путешествии, где объективные факты трудно отделить от субъективных впечатлений, недостоверных сведений, прямого вымысла, тенденциозных установок. Даже официальные документы своего времени иногда следует рассматривать как литературные тексты, в которых создается образ осваиваемого пространства. Образ пространства в литературно-художественных текстах не является полностью идентичным реальному пространству – этот факт, как кажется, не требует особенных доказательств.

Художественное пространство в современной литературоведческой науке изучается по-разному. Можно выделить два основополагающих исследовательских направлений. Одно из них интенсивно реализует идею бахтинского хронотопа. Хронотопом М. М. Бахтин, как известно, называл «существенную взаимосвязь

временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [6, с. 95]. Другое предполагает отношение к пространству и времени как к относительно автономным, независимым категориям. Оговоримся, что в случае первого направления на первый план выдвигается понятие времени, в случае второго – пространство [7, с. 18].

Литературоведы, которые занимаются характеристикой художественного пространства, зачастую оперируют терминами смежных научных дисциплин, а именно заимствованными из философии и естественных наук. К ним относятся такие термины, как «локус» и «топос».

По В. Ю. Прокофьевой, топос – это «значимое для художественного текста место разворачивания смыслов, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом реального пространства» [8, с. 89]. Топос – понятие, которое можно рассматривать в качестве тождественного по смыслу таким выражениям, как «категория культуры», «образ культуры», «модель культуры».

Термин «топос» изначально применялся в античной риторике и философии. Топос, согласно античной традиции, понимается как «место, мыслительное образование, схема, организованная по законам логики, подходящая для рассмотрения конкретных тем» [9, с. 7]. В древнеримской картине мира топос – «общее место, обозначающее не столько... мыслительную схему, сколько стандартное словесное выражение..., оборот, служащий для украшения речи...» [Там же]. Таким образом, в греческой традиции изучался ментальный топос, в римской – речевой. Из философии и риторики, повторимся, термин был воспринят различными областями науки, в том числе литературоведением, где и приобрел значение устойчиво повторявшихся культурных формул и мотивов, имеющих отношение к пространству.

М. М. Бахтин соотносит топос с термином «хронотоп». Топосы в его интерпретации – это образы пространства художественного текста, в них (по причине наличия событийной канвы) «просвечивают полюсы, пределы, координаты мира» [6, с. 98]. А. М. Панченко считает топосы «запасом устойчивых форм культуры» [10, с. 251].

Подобное понимание термина «топос» приводит к его сближению с другой категорией – «локусом». Тем не менее, в современном литературоведении предпринимаются попытки разграничить их. Так, Ю. М. Лотман связывает термин «локус» с функциональным полем действия героев литературного произведения [11, с. 10]. Исследователь делит пространство на два вида: от-

крытое и закрытое. Локус соответственно – закрытый, или герметичный, образ, топос – открытый, динамичный. Однако «один и тот же пространственный образ может называться и топосом, и локусом, в зависимости от осмысления его как национального символа» [8, с. 88].

В итоге, локус – пространство, которое обладает видимой границей, пределом, формой; оно выделено из бесконечности, отгорожено чем-то. Отличие топоса от локуса состоит в том, что первое понятие – более широкое, выходящее за рамки текста; оно также включает, помимо пространственных, и другие категории художественного сознания. А. А. Булгакова определяет локусы как «микротопосы» и «субтопосы» [9, с. 32]. По Н. А. Ловчинскому, топос является местом действия, развития событий [12, с. 6]. Топос и локус связаны логическими отношениями части и целого, большого и малого, внешнего и внутреннего. Л. А. Дмитриева рассматривает локус как ограниченное пространство, в котором время движется по-особенному и развивается та или иная конфликтная ситуация, создающая поле психологического напряжения [13, с. 69].

На наш взгляд, именно традиция путевых записок и заметок привела к формированию топосов «Бухарское ханство», «Хивинское ханство» и «Кокандское ханство», в рамках которых стали формироваться отдельные локусы типа «Бухара», «Хива», «Коканд» и т.д.

На примере различных путевых заметок, написанных с XVI по XIX века, можно наблюдать сложный процесс формирования самостоятельных топосов в русском литературном тезаурусе. Эти ханства для России поначалу представляли интерес как часть торгового пути на Восток – в Персию, Индию и Китай. Они были структурными элементами концепта «дорога» и, значит, мифологемы «путь», частью испытаний, которые тот или иной герой должен преодолеть по дороге к цели (торгово-купеческой, познавательно-географической).

Топос Бухары стал формироваться после публикации ориентальных записок Энтони Дженкинсона, английского дипломата и путешественника. Путешествие Ивана Хохлова в 1620 году показало, что Бухара становится целью подготовленных экспедиций, а роль промежуточного этапа в пути исполняет Хива. Таким образом, уместно заключить, что топос Бухары формируется в русском литературном дискурсе гораздо раньше топоса Хивы.

В XVIII веке картина мира существенно изменилась, и в границах топоса Бухары возникают отдельные локусы: путь выхода к Каспийскому морю, города, пристани, дороги.

Репрезентация Бухары как полноценного то-поса хорошо представлена в записках Ф. С. Ефремова, русского человека, знакомого с жизнью ханства изнутри. Его произведение по результатам путешествия на Восток («Девяти-летнее странствование и приключения в Буха-рии, Хиве, Персии и Индии и возвращение отту-да через Англию в Россию», 1786) позволяет оценить Бухару не как неизвестный, почти ми-фологический топос, но как часть реального большого исторического мира.

Записки Ф. С. Ефремова представляют собой литературное путешествие, несмотря на то что автор описывает не свою поездку в Бухару, а пе-риод своего пребывания там. Черты литератур-ного путешествия в этом произведении доказы-вают тот факт, что автор не рассматривал Бухару (город, где он прожил долгое время) как место своего постоянного обитания. Даже сделав отно-сительно успешную карьеру в ханстве, Ф. С. Ефремов продолжал ощущать себя рус-ским, следовательно, культурная идентичность имела для него гораздо большее значение, чем повседневность в чужом краю, которую он опи-сал.

Специфика путевых записок и заметок о среднеазиатских ханствах состоит в эксклюзив-ных правах автора на репрезентацию топоса. Сведения о Бухаре, Хиве и Коканде не были об-щедоступными ни в российской, ни в европей-ской культуре. Автор, видевший своими глазами реалии ханств, пользовался абсолютным довери-ем и выступал в качестве специалиста. В то же время невозможность проверить его слова по-зволяла привлекать элементы художественного вымысла, восполняющие недостаток конкретных сведений. В официальных записках дипломати-ческих миссий таким способом восполнялась не-хватка информации, требуемой правительством. Невозможность проверки достоверности предос-таваемых фактов, чрезвычайная ограниченность и нерегулярность межкультурных контактов обеспечивали необходимость привлечение све-дений, полученных косвенным путем.

В конечном счете комплекс документов, ка-сающихся контактов России и среднеазиатских государств до XIX века, можно отнести к жанру литературного путешествия. Теоретические ос-новы жанрового подхода позволяют сделать та-кой вывод с определенностью.

Список источников

1. *Ваша Сайнбаяр*. Иноязычная лексика и осо-бенности ее использования в путевых записках Пет-ровского времени: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 201 с.

2. *Шакиров С. М.* Мотив дороги как парадигма русской лирики XIX–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2001. 197 с.

3. *Керашева Ф. Н.* Религиозно-мифологический мотив пути в русском и немецком романтизме: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 199 с.

4. *Блинова З.* Путешествие как литературный жанр // Литература. 1998. № 42. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=199804201> (дата об-ращения: 25.12.2022).

5. *Антонов Е. А.* Философия. Белгород: Изд-во БелГУ, 2012. 260 с.

6. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений: в 7 томах. Т. V. М.: Русские словари, 1997. 732 с.

7. *Пыхтина Ю. Г.* Школьный анализ художест-венного произведения в аспекте пространственных характеристик: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2005. 250 с.

8. *Прокофьева В. Ю.* Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного универси-тета. 2005. № 11. С. 87–94.

9. *Булгакова А. А.* Топика в литературном про-цессе. Гродно: Изд-во ГродноГУ, 2008. 106 с.

10. *Панченко А. М.* О русской истории и культу-ре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.

11. *Лотман Ю. М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Избранные статьи: В 3 т. Т. 1 / Ю. М. Лотман. Таллин, 1992. 414 с.

12. *Ловчинский Н. А.* Образы пространства в со-временной русской постмодернистской поэзии: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 208 с.

13. *Дмитриева Л. А.* Преодоление локуса в по-вести Кедр Митрея «Дитя большого века» // Филоло-гические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (39). С. 58–60.

References

1. *Vasha Sainbayar* (2007). *Inoyazychnaya leksika i osobennosti ego ispol'zovaniya v putevykh zapiskakh Petrovskogo vremeni: diss. kand. philol.nauk* [Foreign Language Vocabulary and Features of Its Use in Travel Notes of Petrovsky Time: Ph.D. Thesis]. Moscow, 201 p. (In Russian)

2. *Shakirov, S. M.* (2001). *Motiv dorogi kak paradigma russkoi liriki XIX–XX vekov: diss. kand. philol.nauk* [The Motif of the Road as a Paradigm of Russian Lyrical Poetry of the 19th–20th Centuries: Ph.D. Thesis]. Magnitogorsk, 197 p. (In Russian)

3. *Kerasheva, F. N.* (2007). *Religiozno-mifologicheskii motivputi v russkom i nemetskom romantizme: diss. kand. philol.nauk* [Religious and Mythological Motif of the Path in Russian and German Romanticism: Ph.D. Thesis]. Krasnodar, 199 p. (In Russian)

4. *Blinova, Z.* (1998). *Puteshestvie kak literaturnyi zhanr* [Journey as a Literary Genre]. Literatura. No. 42. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=199804201> (ac-cessed: 25.12.2022). (In Russian)

5. *Antonov, E. A.* (2012). *Filosofiya* [Philosophy]. 260 p. Belgorod, izd-vo BelGU. (In Russian)

6. Bakhtin, M. M. (1997). *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh* [Collected Works: In 7 Volumes]. V. 5. 732 p. Moscow, Russkie slovari. (In Russian)
7. Pykhtina, Yu. G. (2005). *Shkol'nyi analiz khudozhestvennogo proizvedeniya v aspekte prostranstvennykh kharakteristik: diss. kand. philol.nauk* [School Analysis of a Fictional Work in Terms of Spatial Characteristics: Ph.D. Thesis]. Orenburg, 250 p. (In Russian)
8. Prokofieva, V. Yu. (2005). *Kategoriya prostranstva v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy* [Category of Space in Artistic Interpretations: Loci and Topoi]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 11, pp. 87–94. (In Russian)
9. Bulgakova, A. A. (2008). *Topika v literaturnom protsesse* [Topics in the Literary Process]. 106 p. Grodno, GrodnoGU. (In Russian)
10. Panchenko, A. M. (2000). *O russkoi istorii i kul'ture* [On Russian History and Culture]. 464 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)
11. Lotman, Yu. M. (1992). *Problema khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya* [Problems of Artistic Space in N. V. Gogol's Prose]. Izbrannye statyi: v 3 tomakh. Tom 1. 414 p. Tallin. (In Russian)
12. Lovchinsky, N. A. (2010). *Obrazy prostranstva v sovremennoi russkoi postmodernistskoi poezii: diss. kand. philol.nauk* [The Images of Space in Contemporary Russian Postmodern Poetry: Ph.D. Thesis]. Volgograd, 208 p. (In Russian)
13. Dmitrieva, L. A. (2014). *Preodolenie lokusa v povesti Kedra Mitreya "Dit'a bol'nogo veka"* [Overcoming the Locus in Kedr Mitreya's Story "The Child of the Sick Century"]. Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. No. 9 (39), pp. 58–60. (In Russian)

The article was submitted on 12.02.2023

Поступила в редакцию 12.02.2023

Сабиров Немат Казакбаевич,
старший преподаватель,
Ферганский государственный университет,
712000, Республика Узбекистан, Фергана,
Муррабийлар, 19.
nemat.sabirov.60@inbox.ru

Sabirov Nemat Kazakbaevich,
Assistant Professor,
Ferghana State University,
19 Murabbillar Str.,
Ferghana, 712000, Republic of Uzbekistan.
nemat.sabirov.60@inbox.ru